

Вьюги давно замели следы печальных саен с гробом Пушкина, мчавшихся из Петербурга в Псковскую губернию, но кто скажет, что эта дорога выветрилась, затерялась в истории? Февральские снега и нынче обжигают душу и память. И это неизменно.

ПО БЫВШЕЙ Большой Коношенной выскочили на Невский проспект, свернули на ворот. Все дальше уходили кварталы, слышавшие пушкинские шаги и пушкинский смех, — будь то лавка издателя Смирдина, Мариинский театр, дома друзей-писателей, парадные подъезды дворцов, где блистали балы. Вот и Московский проспект. Современный город словно торопился вручить скоростные ключи от предстоящей дороги. И все-таки два дома старого Петербурга неотступно следовали за нами.

Четыре года был в строительных лесах дом № 12 на Мойке, последняя квартира поэта. Требовалась не текущая косметика, а коренная перделка всего здания, хотя Пушкин и его семья занимали только первый этаж. Так случилось, что после 1837 года домом владели разные арендаторы, и каждый приспособлял его для собственных нужд. Предстояло вернуть пушкинскому жилищу первоначальный облик. В ход пошли архивные документы, планы, зарисовки, уцелевшие обмеры. Истинная память не может быть приблизительной. Она — память до мелочей.

И вот вчера со стороны набережной открылся бело-жел-

тый фасад дома, целиком отданный Пушкину и его музе. Четыре новые комнаты в дополнение к семи прежним появились в первом этаже — все они некогда составляли одно целое в шумной многопорежной квартире поэта. Поздние перегородки снесены, печи заняли привычные места, колер стен восстановлен с ревностной точностью.

Восстановлен и печально знаменитый ход по черной лестнице, о котором упоминал едва ли не каждый, кто побывал в квартире вскоре после дуэли. Через дверь, которая потом оказалась замурованной, народ шел прощаться с Пушкиным. Было неудобно, тесно, не по-светски простолужно. Но так было, и этот ход предстояло пробить в поздней стене-перегородке.

Легко сказать — пробить. Где именно? Чтобы строго по старым очертаниям. Александр Тимошинин, архитектор Всесоюзного музея А. С. Пушкина, дневал и ночевал на Мойке, выискивая хоть какие-нибудь следы той двери. И вот однажды...

— Раздается звонок, — рассказал нам Владимир Ефимов, один из авторов проекта реставрации. — У телефона взволнованный Тимошинин. Просит немедленно приехать на Мойку. Мчусь. Саша ведет к пробитому проему, лишь угаданному нами, но ничем пока не подтвержденному. Сверху над входом вынимает несколько кирпичей — и что бы вы думали?.. Открывается целиком сохранившийся лучок дверного проема. Остался даже красочный слой на нем. Принялись разбирать паркет, чтобы узнать, где же кончалась дверь снизу и какой была по ширине. Добрались до балки основания. Смотрим, она подтесана топором как раз по границе проема, значит — ширина исторически зафиксирована. Потом обнаружили и первую ступень лестницы. По-

мню, была белая ночь, мы стояли под дверным лучком и от волнения не могли сказать ни слова...

Мойка, 12 — это, конечно же, «земной» Пушкин. А есть в Ленинграде другой Пушкинский дом, он и пишется по-иному — с прописной буквы. И в нем тоже пушкинская комната. Но какая непохожая судьба у нее, скажем, в сравнении с квартирным кабинетом поэта. Там — нескончаемая череда экскурсантов, тут — благоговейная тишина шкафов и папок. Лишь изредка услышишь легкие шаги хранительницы. Всего два раза в день открывают сюда решетчатую дверь — и то лишь для того, чтобы снять показания термометра и гигрометра. Толстая кладка стен, массивные кованые решетки на окнах, система современной сигнализации на случай чрезвычайных происшествий. Когда-то тут находилась комната-сейф петербургской таможни — хранили особые ценности. Теперь — пушкинские рукописи. Всякий раз, выходя отсюда, хранительница Татьяна Ивановна Краснобородько вкладывает внутрь дверного замка крохотный листок бумаги — с отметкой времени ухода и собственной росписью. Таков режим хранения.

Здесь собрано 12 тысяч пушкинских страниц, начиная с большеформатных рабочих тетрадей и кончая обычной житейской запиской или денежным счетом лавочника, посланным поэту. И все они проливают тщательную реставрацию, с них сделаны фотокопии — для музеев, книжных изданий, работы ученых. Прикасаться к оригиналам допускается лишь в исключительных случаях. Это — бесценный Пушкин.

Теряешь ощущение реальности, когда наяву видишь его автограф. Разные чувства владеют тобой — от удивления и оторопи до неосознанной и

беспричинной тревоги за сохранность. Легкий, стремительный почерк почти воздушен. Тем горше вот эти строки на листке, сложенном вчетверо: «Милостивая государыня Александра Осиповна. Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение...». Письмо сочинительнице Ишимовой писано в день дуэли за несколько часов до барьера. Жуковский назвал его памятником удивительной силы духа. Откуда эта сдержанность, самообладание? Ничем не поколебленная корректность? Быть может, тем самым Пушкин убеждал себя: с ним ничего не случится, он вернется с дуэли невредимым. Кто знает... Но непереносимо видеть точку в конце этого письма и сознавать, что это последнее касание пушкинского пера.

В машине мы включили магнитофонную запись. Хранительница рассказывала историю за историей. Одна из них особенно тронула, водитель даже попросил добавить звук. В блокадную пору в дощатых ящиках и сундуках увозили пушкинские рукописи на восток. Лев Михайлович Добровольский, сопровождавший груз, не отлучался от него ни на шаг, даже ночевал в пути на сундуках. Время было холодное, и эта эвакуация стоила пушкинисту здоровья...

ТРИ УПРЯЖКИ неслись по Белорусскому тракту 1837 года: впереди жандармский офицер, за ним — длинные сани с гробом, в конце — возок Александра Ивановича Тургенева, близкого друга Пушкина, которому царь позволил сопроводить тело поэта до могилы. На почтовой станции Выра Тургенев и его спутники в третий раз сменили лошадей. Начинался очередной прогон.

(Окончание на 6-й стр.)

(Окончание.
Начало на 3-й стр.)

В Выре мы решили непременно задержаться. Сделать остановку заставляло обстоятельство, связанное с творчеством Пушкина. Вспомните «Станционного смотрителя». С одной из почтовых станций близ Петербурга смотритель Самсон Вырин пешком отправляется в город, чтобы разыскать дочь Дуню, исчезнувшую из дома с проезжим гусаром. Оказывается, сам Пушкин дал повод связать сюжет своей повести с этим довольно обыденным местечком на тракте. Фамилия гусара — Минский — содержит явный намек на Белорусский тракт, фамилия смотрителя — Вырин — и вовсе «привязывает» описанные события к реально существовавшей почтовой станции. Более того, как подтвердили архивы, здесь, в Выре, и впрямь довольно долго служил смотритель с дочерью.

Сейчас возле трассы — музей дорожного быта, единственный в нашей стране. Тут можно воочию представить, какими были почтовые станции в пушкинские времена. Вот сени, освещенные фонарем со свечкой, вот вход на «чистую половину для проезжающих», в углу — стол смотрителя с чернильницей и гусиным пером, рядом книга записей. Историки подчитали: Пушкин проезжал через Выру более десяти раз. На музейном столе — копия одной из его подорожных за 1820 год. В ту пору коллежский секретарь А. С. Пушкин (чин X класса) имел право получить на станции пару лошадей, не более, в отличие, скажем, от генерал-адмирала, которому выдавали двадцать. Чины, чины, что они значат на бесстрастных весах времени...

Музей в Выре довольно популярен. Кому не любопытно войти в ямщицкую, где на печи, укрывшись полушубками, впопалку спали ямщики. Местный краевед архитектор Александр Семочкин рассказал нам, как восстанавливали старую конюшню, шорную, кузницу. Из бывлой брусчатки, обнаруженной под выринским домом, выложили подъездную дорогу.

Свыше 34 тысяч верст довелось проехаться Александру Сергеевичу по России. В том горестном феврале 1837-го уже мертвому Пушкину оставалось промчаться от Выры последние триста верст. Торопились. Быстро переложили лошадей. Вот и остался позади домик станционного смотрителя. Увы, на этот раз подорожную принимали уже не из рук поэта.

В ПСКОВЕ мы оказались за полночь. Вспомнилось: поздним вечером прибыл в этот город и Тургенев со своей горькой миссией. И сразу же отправился к губернатору.

Можно было бы не упоминать о такой частности, если б не один примечательный эпизод. В присутствии Тургенева губернатор принялся читать только что полученную им депешу. Из Петербурга предписывали, как обойтись с мертвым Пушкиным: воспретить «всякое особенное изъятие, всякую встречу, одним словом, всякую церемонию, кроме того, что обыкновенно... исполняется при погребении тела дворянина». Видимо, и впрямь жандармов напугала слухи: якобы в конце пути предполагается выпрячь лошадей и до Святых Гор нести пушкинский гроб на руках.

Поутру мы поспешили в областной театр, носящий имя Пушкина: сейчас здесь готовят к постановке «Скупого рыцаря». Между прочим, любопытная судьба у этого театра. Он был построен к столетнему юбилею Пушкина на деньги, собранные народом для увековечения памяти поэта. И назывался-то поначалу не театром — народным домом. Каждый раз актеры нынешнего поколения начинают сезон своеобразным ритуалом: чтением стихов у памятника на центральной улице.

Псковский памятник Пушкину работы скульптора О. Комова не совсем обычный. Поэт изображен вместе с няней Ариной Родионовной. Это ее сказки скрашивали унылый быт опального стихотворца в сельце, которое он потом назовет «милым пределом». Здесь, у памятника, уже слышится недалеко эхо Михайловского.

В СОВХОЗЕ «Городище», ближайшем от районного центра Остров, мы сменили машину на лошадей. То не журналистская прихоть. В пушкинское время тракт существовал только до Острова. Дальше до Святых Гор предстояло добираться не столь быстрой дорогой. Мы последовали старым путем, и без лошадей было не обойтись.

Заскрипели полозья: от Городища — на Марково, оттуда на Таланы, Свелкино, Большое Приезжево, Синское... От деревни к деревне потянул-

ся санный путь. И все время рядом степенно вилась река Великая, укутанная снегами. Для полной точности нужно было бы ехать ее руслом — именно так везли пушкинский гроб: в России нередко накапывали зимние дороги по застывшим рекам. Но теперь даже лошади не смогли бы одолеть сугробы Великой. Мы смотрели на ее раздольные изгибы и невольно думали об одном и том же: как символично, что в последний час Пушкина везли по реке с таким именем. Перед великим поэтом расстилалась и река Великая.

Конные упряжки — привычный Пушкину транспорт — обостряли впечатление. Ведь все вокруг было ему так знакомо. Вот слева, за редкостным леском, остались Голубово и Врев. Сколько раз доводилось бывать там Александру Сергеевичу у своих друзей. Районный землемер Виталий Михайлов, сопровождавший нас, рассказывал: по преданию, в Голубове поэт помогал молодым хозяевам именья разбить парк. Обещая вернуться сюда, он забросил в озеро свою трость — это была для него добрая примета. Мечтал приехать в окрестные места полным сил и замыслов, засесть в Михайловском за письменный стол. Не сбылось. Грянули выстрелы на Черной речке...

Ехали весь день. Природа словно листала зимние странички календаря. Проглядывало солнце, сияли снега — и в этом был Пушкин. Потом наплывшая туча сыпала колючим снегом, поднималась метель — и в этом тоже был Пушкин. Временами приходилось пробираться по тихому безлюдью. Дорога вконец испортилась, вязла в низинах, попадала в топи, приспанные снегом: было видно, что ею пользуются лишь по случаю.

К исходу дня добрались до Терехова. Отсюда уже началась собственно пушкиногорская земля. Здесь нас ждали свежие упряжки. Взамен равнинных лесков пошли темные ельники и сосновые боры, вскинутые причерными кручами. Клонилось к закату багровое солнце. Усиливался мороз. Снежные комья

вылетали из-под копыт отчаянных рыскалов. Но как ни норовили кони засветло успеть к дому, короткий день кончился быстрее. Вдоль Сороти мы мчали уже в темноте. Где-то рядом лежали в снегах Тригорское, Воронич, Михайловское. Коня косились при виде пугающих черных кустов, всхрипывали, рвались из оглобелей. Впереди на горе, казавшейся в темени высокой, мелькнули два огонька. Тригорское! Может быть, и тогда, тем памятным февральским вечером, вот так же сквоззю тьму пробивались дрожащие огни навстречу горестному санному поезду.

Огибая косогор, началась подъемная дорога к древнему городищу Воронич — она шла по снежному целику. От крупных валил пар. Сани кренились, и порой казалось, что кренится само небо. И чем выше поднималась дорога, тем заметнее оседали звезды. Наконец взмокшие лошади рывком взлетели на кручу и пошли рысью. Ударил верховой ветер. Ничего вокруг нельзя было различить. Только кони и звезды. Неправдоподобная, феерическая картина: почти беззвучно кони плыли меж звезд.

Вот и все. До Пушкинских Гор, где покоится поэт, совсем близко. Там под белыми стенами монастыря — скромный памятник ему, земному. Стоишь у обелиска, под сводом которого символическая урна с наброшенным покрывалом, и не можешь отрешиться от тяжких, как стон, слов Баратынского: «Что мы сделали, россияне, и кого погребли!»

Вскоре после похорон в Святые Горы прибыл посол Франции. Неожиданным визитом в русскую глушь он от имени своей страны как бы просил прощения у праха Пушкина, у всей России. Но что это могло изменить?

НАД ПУШКИНСКИМИ Горами разыгралась метель. Валил снег, заносил дороги и тропы пушкинской обители. Автобусы не могли пробиться к привычным стоянкам, и экскурсанты вынуждены были бесконечной цепочкой брести по сугробам к Михайловскому, Тригорскому, Петровскому. Работники заповедника были в отчаянии. Оно и понятно: вдруг ненароком будет нанесен ущерб памятным родам. Мы сочувствовали хранителям, но, признаваясь, и поразжались размаху паломничества. Люди в буквальном смысле торили тропы к Пушкину.

В. ВОРОБЬЕВ,

Е. ДВОРНИКОВ.

(Спец. корр. «Правды».)
Ленинград—Пушкинские Горы.

Рисунки Э. Насибуллина.